

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-3-1>

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ЛОГИКА ПРАВА В ПРОЦЕССЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВА КАК СЛОЖНОСОЧИНЕННОЙ СИСТЕМЫ

Александр Байков,

доктор юридических наук, доцент, гостевой доцент

Резекненской Технологической Академии (Латвия)

E-mail: aleks_baikov@inbox.lv

Аннотация. Логика права – часть философии права (общей теории права), изучающая право как логическое явление, подчиненное в своем существовании и развитии законам формальной логики. Использование этих законов позволяет: (1) всякую правовую систему рассмотреть как единую, непротворечивую и формализованную; (2) уяснить логику правового развития и провести логико-семантический и логико-структурный анализ юридических норм и правоприменительных актов; (3) выявить роль и место форм мышления (понятия, суждения, умозаключения) в сфере права.

Праву одновременно присущи две логики: (1) формальная логика и (2) особая, отражающая закономерности его бытия и функционирования, логика – логики права.

Логическая схема становления права должна быть применима ко всем без исключения историческим ситуациям. В основе логического лежит историческое, логическое же не только взаимодействует с историческим, но и проникает в него. Самая абстрактная логическая формула права одновременно является и исторической, поскольку она есть результат сопоставления, анализа и обобщения определенного историко-правового опыта.

Для позитивного права характерной является такая, нацеленная на реальную действительность специфическая черта, как долженствование, которая предопределяет объективную необходимость формирования правовых средств, обеспечивающих практическое осуществление и власти, и деятельности людей. Характерное для права должное, во-первых, касается, прежде всего, догмы права, хотя и не ограничивается ею и захватывает иные блоки системы правовых средств и, во-вторых, выражается в реализации предназначения права (вносить определенность в складывающиеся фактические общественные отношения, придавать им прочность, устойчивость, привносить надежность гарантий и преимуществ, предоставляемых правом людям). Во взаимосвязи сущего и долженствования проявляется особый характер права, его исключительное своеобразие. При этом само долженствование приобретает особые свойства.

Бытие позитивного права неразрывно связано с его внешними формами (писанными нормативно-правовыми актами), в которых, прежде всего, проявляется должное в праве, его обеспеченность системой правовых средств, придающих ему определенность содержания, надежность свойственных праву гарантий и преимуществ, предоставляемых людям.

Логическая схема становления права должна быть применима ко всем без исключения историческим ситуациям. В основе логического лежит историческое, историческое же не только взаимодействует с логическим, но и проникает в него. Именно в силу синтезированной логическое проникает в существо правовых конкретностей, выявляет их внутренние исторические связи и взаимодействия. Тем самым логический аспект выполняет методологическую функцию в изучении истории права, ее многообразия в отдельные периоды различных стран.

Поскольку мысль законодателя выражается не только в виде грамматических предложений, но и логической организации содержания правовых норм, логическое толкование позволяет сделать очередной шаг в раскрытии содержания последних.

Ключевые слова: формальная логика, логика права, исторический контекст, правовая система, логико-семантический анализ, логико-структурный анализ норм права, долженствование.

FORMAL LOGIC AND LOGIC OF LAW IN THE PROCESS OF ANALYTICAL STUDY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LAW AS A COMPLEX SYSTEM

Alehandr Baikov

Dr. iur., Assos. Profesor

Rezekne Academy Of Technologies (Latvia)

E-mail: aleks_baikov@inbox.lv

Abstract. The logic of law is a part of the philosophy of law (general theory of law), which studies law as a logical phenomenon, subordinate in its existence and development to the laws of formal logic. The use of these laws allows: (1) to consider any legal system as a single, consistent and formalized; (2) understand the logic of legal development and conduct a logical-semantic and logical-structural analysis of legal norms and law enforcement acts; (3) to find out the role and place of forms of thinking (concepts, judgments, inferences) in the field of law.

Law is simultaneously inherent in two logics: (1) formal logic and (2) special, reflecting the laws of its existence and functioning, logic – the logic of law.

The logical scheme of the formation of law should be applicable to all historical situations without exception.

The logical is based on the historical, the logical not only interacts with the historical, but also penetrates into it. The most abstract logical formula of law is at the same time historical, since it is the result of comparison, analysis and generalization of certain historical and legal experience.

Positive law is characterized by such a specific feature aimed at real reality as a duty, which predetermines the objective need for the formation of legal means that ensure the practical implementation of both power and people's activities. The due characteristic of law, first of all, concerns, first of all, the dogma of law, although it is not limited to it and captures other blocks of the system of legal means and, secondly, is expressed in the realization of the purpose of law (to introduce certainty into the emerging actual social relations, to give them strength, stability, bring reliability to the guarantees and benefits provided by the right to people). In the interconnection between existence and obligation, the special nature of law, its exceptional originality, is manifested. In this case, the obligation itself acquires special properties.

The existence of positive law is inextricably linked with its external forms (written normative legal acts), in which, first of all, what is due in law is manifested, its provision with a system of legal means that give it certainty of content, the reliability of the guarantees and advantages inherent in law provided to people.

The article reveals the understanding of ontology, axiology, epistemology and methodology in philosophy. The significant variability of the content of the general theory of law as a science is stated.

The logical scheme of the formation of law should be applicable to all historical situations without exception. The logical is based on the historical, while the historical not only interacts with the logical, but also penetrates into it. It is precisely because of its synthesized nature that the logical penetrates into the essence of legal specificities, reveals their internal historical connections and interactions. Thus, the logical aspect performs a methodological function in the study of the history of law, its diversity in certain periods of different countries.

Since the legislator's thought is expressed not only in the form of grammatical sentences, but also in the logical organization of the content of legal norms, logical interpretation allows one to take another step in revealing the content of the latter.

Key words: formal logic, logic of law, historical context, legal system, logical-semantic analysis, logical-structural analysis of legal norms.

Взаимосвязь логики и права имеет давнюю историю. Уже в древнейших правовых системах применялись логические принципы, возникновение которых связано с политико-правовыми воззрениями древнего мира. От Парменида к софистам, а от последних к Аристотелю – таков путь развития логики. Именно благодаря Аристотелю «... логика получает собственный предмет, методы и категориальный аппарат» (Титов, 2002). Однако неотъемлемым элементом юридической техники логика становится в римском праве, несмотря на его казуальный, далекий от теоретических обобщений, прагматически-прикладной характер. В понимании С.С. Алексева

использование формальной логики в процессе аналитического исследования догмы права открывает возможность выявить детализированную юридическую картину того или иного фрагмента законодательства, судебной практики, отработать «...наиболее целесообразные приемы и формы юридических действий» (Алексеев, 2001: 6). Он же справедливо указывал на то, что именно к римской правовой истории восходит традиция аналитической юриспруденции, сориентированной на научные обобщения юридических феноменов, которые выражаются в понятийной констатации юридических реалий (текстов законов, судебных решений, обычаев в юридической области, прецедентов и др.), выявлении содержащихся в них юридических норм, в их толковании, фиксации присущих им общих, видовых и родовых особенностей, характерных черт правовых документов, юридических фактов, порождаемых ими последствий, нахождении заложенных в них юридических конструкций, принципов, смыслового значения, выработке и закреплении юридической терминологии, и в итоге – в разработке на основе обобщаемого правового материала определений, сравнительных характеристик, классификаций.

Систематичность и пунктуальность появляются в юридической логике в ходе споров средневековых схоластов. В XVII веке были подготовлены первые проекты математизированной юридической логики (Шикхард и Лейбниц). В следующем, XVIII веке Бернулли и Вольтер высказали предложения о формализации (математизации) юридических построений (Гайдамакин, 2007: 92). Подобного рода попытки делались и позднее, неоднократно они осуществляются и в настоящее время. Однако с конца XIX века набирает силу тенденция отрицания логики для теории и практики правового регулирования, соответственно, изменялось и правосознание. Так, представители психологического направления в праве, виднейшим представителем которого был Л.И. Петражицкий, утверждали, что право – величина психологическая. В свою очередь, представители прагматического направления говорили о праве как решении судьи. Другими словами, отказываясь от поисков правды и справедливости, представители этих направлений, конечно, с разных позиций, тем не менее, приходили к одному и тому же выводу об отсутствии необходимости в юридической логике. Вместе с тем следует отметить, что противников такого подхода к праву было все-таки достаточно. Например, Г. Кельзен говорил о том, что современные юристы обращаются к вопросам социологии и психологии, этики и политической экономии, пренебрегая изучением своего собственного предмета (История политических и правовых учений, 1997).

В результате аналитической проработки догмы права, если она проведена на должном научном и методических уровнях в соответствии с требованиями формальной логики, раскрывается детализированная юридическая картина того или иного участка, фрагмента законодательства, судебной практики, обнажается их юридическое содержание, отрабатываются наиболее целесообразные приемы и формы юридических действий. Вместе с тем нельзя не заметить ограниченные возможности логики применительно к социальной деятельности, в т.ч. и юридической, на что неоднократно обращалось внимание многими исследователями. Даже норма права – центральный элемент правовой реальности и теории права не может быть объяснена с помощью формальной логики, на ограниченное место которой в юриспруденции указывали в 30-е годы XX века «реалисты США (К. Ллевеллин, О. Холмс, Д. Фрэнк). Так, Т. Бендин отмечал, что например для О. Холмса бытие права – это не догмы, логические построения и теории, а практика, опыт, на который гораздо большее влияние оказывает господствующая в обществе мораль и институты публичной власти (Benditt). Сегодня эта мысль довольно обстоятельно аргументируется представителями постмодернистской юриспруденции США Р. Познер и П. Шлаг (Posner: 1195–1250).

Принимая во внимание вышесказанное, а также конвенциональный характер социальных норм, являющихся в отличие от законов природы, соглашениями (хотя и не произвольными) (Поппер, 1992: 99), нельзя не согласиться с мыслью об обусловленности их познания историческим и социокультурным контекстом, а посему его относительности (Микешина, 2002: 2). Отсюда вполне оправданно напрашивается заключение: в гуманитарных науках «...господствует часто

не строго определяемые логические понятия, а именно концепты, выражающие скорее интуитивно, нежели логически, схватываемые смыслы» (Микешина, 2002: 23). Так, например, ст. 841 Гражданского Закона подразделяет вещи на материальные и нематериальные. При этом к числу нематериальных вещей законодатель отнес: всевозможные личные, вещественные и обязательственные права, постольку, поскольку они считаются ставной частью имущества» (28.01.1937. Civillikums). Конечно, прав В.И. Синайский, который отмечал, что «... логика исходит из природы: вещь логически всегда телесна (субстанция). Напротив, в праве бестелесная вещь рассматривается, в общем, как право. Вследствие этого нелогична по природе и самая классификация вещей, как деление на вещи и права (бестелесная вещь)» (Синайский, 2000: 15).

Искусственность социальных норм, конечно же, не означает их произвольного конструирования. Она состоит в том, что люди их измеряют и оценивают, а посему несут за соблюдение, следование предусмотренным в них образцам поведения моральную ответственность, т.е. «... искусственность ни в коей мере не влечет за собой полный произвол» (Поппер, 1992: 99). Естественно, что в любого рода научном знании, оформленном в определенную сложносочиненную логическую систему, со временем подспудно вызревает и становится очевидной необходимость выработки новых подходов, методологических схем к исследованию социально-правовой жизни, отличающихся от классической правовой логики.

Систематичность и пунктуальность появляются в юридической логике в ходе споров средневековых схоластов. В XVII веке были подготовлены первые проекты математизированной юридической логики (В. Шикхард и Г.В. Лейбниц). В следующем, XVIII веке Бернулли и Франсуа-Мари Аруэ (Вольтер) высказали предложения о формализации (математизации) юридических построений (Гайдамакин, 1992: 92). Подобного рода попытки делались и позднее, неоднократно или осуществляются и в настоящее время. Однако с конца XIX века набирает силу тенденция отрицания логики для теории и практики правового регулирования, соответственно, изменялось и правосознание. Так, представители психологического направления в праве, виднейшим представителем которого был Л. Петражицкий, утверждали, что право – величина психологическая. В свою очередь, представители прагматического направления говорили о праве как решении судьбы. Другими словами, отказываясь от поисков правды и справедливости, представители этих направлений, конечно, с разных позиций, тем не менее, приходили к одному и тому же выводу об отсутствии необходимости в юридической логике. Вместе с тем следует отметить, что противников такого подхода к праву было все-таки достаточно. Например, Г. Кельзен говорил о том, что современные юристы обращаются к вопросам социологии и психологии, этики и политической экономии, пренебрегая изучением своего собственного предмета (История политических и правовых учений: Учебник, 1997).

Социальное предназначение позитивного права, представляющего собой сложно-структурированное нормативное образование, заключается в том, чтобы вносить в общественную жизнь точность, определенность в поведении, правах и обязанностях, ответственности. В этой связи позитивное право не может быть ничем иным как логически стройной, последовательной, внутренне взаимосвязанной и зависимой, непротиворечивой системой принципов, норм, субинститутов, институтов, подотраслей и отраслей. Таким образом, позитивное право по своей сути – это соответствующая требованиям формальной логики, а в более широком плане – математической (символической) логики (Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова, 1987: 266) логическая система (Лобовиков, 1998: 17). Именно поэтому, следующие из норм права выводы, носят категорический и однозначный характер.

Вышесказанное дает основание заключить: право, его догма – это сфера господства и ярчайшего проявления формальной логики, а используемые в аналитической юриспруденции методы, предметом которой является догма права, достаточно близки к тем, которые имеют самое непосредственное отношение к формальной логике и математическому мышлению. Как справедливо

утверждал О. Шпенглер правовое мышление родственно математическому, поскольку и то, и другое направлено на поиск мыслительно-принципиального: чистой формы предмета, чистый тип ситуации, чистую связь причины и действия (Шпенглер, т. 2, 1998: 69) а посему продолжает он далее, «требуемым будущего становится перестройка всего правового мышления по аналогии с физикой и высшей математикой» (Шпенглер, т. 2: 86). Г. Кельзен был уверен в том, что не социальные предпосылки или нравственные основания правовых предписаний, а специфическое юридическое (нормативное) содержание права – предмет юридической науки. Именно под влиянием нормативизма ученые-правоведы стали уделять внимание противоречиям в праве, формированию стройной системы законодательства.

Соответственно, пока в странах Запада шли споры о природе праве, в советский период господствовала диалектическая логика, а значение формальной логики принижалось, применение формально-логических методов в юриспруденции всячески сдерживалось.

В процессе развития формальной логики, попыток ее приспособления к праву ее предметное поле расширялось, учитывая специфику «оценочных понятий». Однако ни развитие классической логики высказываний, ни символической математической логики (двух и трехзначной), ни деонтической (нормативной) логики, ни логики предикатов, ни логики отношений или модальной логики не были востребованы практикой. За две с половиной тысячи лет интенсивного развития формальной логики она так и не смогла удовлетворить запросы права (Костылев, 1998: 70–72), прогресс которого за этот период не столь уж и очевиден.

Очевидно, настороженное отношение к использованию формально-логических методов анализа в праве, а как следствие, отторжение юридического позитивизма, это отнюдь не «новое слово» в правоведении, а скорее непонимание природы права и закономерностей его существования. И уж никак юридический позитивизм нельзя интерпретировать как дисциплину «низшего теоретического порядка» (Туманов, 1971: 168), как это нередко имело место в советском правоведении. Как совершенно справедливо отмечал С.С. Алексеев, такие представления ошибочны: «... юридический позитивизм как дисциплина, изучающая догму права, вырабатывает данные, которые ... представляют для юридических знаний единственную исходную реальность, а главное и в своем элементарном виде несут значительный интеллектуальный потенциал, потенциал разума, давая порой отчетливые свидетельства «юридических глубин» (Алексеев, 1998).

Одновременно нельзя не согласиться с теми авторами, которые, характеризуя право как логическую систему, не ограничиваются указанием на то, что оно воплощает в себе не только требования формальной логики и подчиняется математическим методам, но и подчеркивают наличие свойственной праву особой логики – логики права (Алексеев, 2003: 211). В самом общем смысле логика права – это его закономерности. Как пишет С.С. Алексеев: «Логика права – это *логика жизни права*, то, что выражает *закономерности его бытия и функционирования, раскрывающиеся непосредственно в правовой материи*. Причем – так, что определенные факты, процессы в материи права неизбежно, неотвратимо ведут к другим фактам и процессам, или даже к явлениям высокой юридической и социальной значимости» (Алексеев, 2003: 212).

Говоря о логике права, следует напомнить о специфических чертах права, представляющего собой особый, весьма своеобразный мир. Одна из существенных черт этого мира состоит в том, что в отличие от иных сфере действительности, представляющих собой сущее (наличная реальность), для мира права свойственное выраженное в его нормах должностное существование. Другими словами, составляющие позитивное право юридические нормы выражают не только, а под определенным углом зрения даже не столько то, *что реально существует*, а то, *что должно быть*.

Нормативность права (как проявление одной из черт права) стала основой «чистой» теории права (наиболее полно и последовательно изложенной Г. Кельзеном) – теории нормативизма, в которой обосновывается логика норм, каждая из которых выводится из вышестоящей нормы, вплоть до основной (верховой) нормы.

Реакцией на философскую и общетеоретическую ограниченность теории нормативизма в наши дни выразилась по существу в игнорировании, отказе от важного обстоятельства: право все-таки относится, в определенной мере находится и в сфере долженствования. Нельзя его ограничивать сущим и некритически, и безосновательно выдавать такой усеченный подход за нормативизм. Именно во взаимосвязи сущего и долженствования проявляется особый характер права, его исключительное своеобразие. При этом само долженствование приобретает особые свойства. Эти особенности должного ярко отразил И.А. Покровский. Он, как представляется, справедливо считал, что право «...есть не только явление из «мира сущего», но в то же время и некоторое стремление «в мир должного» (Покровский, 1998: 60). Право «...есть не просто социальная сила, давящая на индивидуальную психику, а сила стремящаяся, ищущая чего-то, вне ее лежащего» (Покровский, 1998: 60). А чуть ниже он пишет, что «...всякая норма права предстает нашему сознанию не только с точки зрения ее «данности», но и с точки зрения ее «должности»; мы не только стремимся ее познать, как она есть, но в то же время оценить, как она должна быть» (Покровский, 1998: 61).

В сказанном более чем рельефно проявляются своеобразные черты действующего права. Правовые нормы принимаются с тем, чтобы при наступлении необходимых условий воплощенное в их содержании представление о должном, претворилось в реальную действительность. Запрограммированность на реальную действительность выражает важнейшую специфическую черту долженствования, характерную для позитивного (как действующего) права. Именно долженствование, как специфическая особенность права, предопределяет объективную необходимость формирования правовых средств, связанных с практическим осуществлением власти и деятельности людей (правосудие, институты правовой охраны и исполнения юрисдикционных решений и др.), предназначенных для воплощения положений правовых норм в реальную жизнь. Другими словами, речь идет о своеобразии «выходов» долженствования в область реального, действительного.

Характерное для права должное, во-первых, касается, прежде всего, догмы права, хотя и не ограничивается ею и захватывает иные блоки системы правовых средств и, во-вторых, выражается в реализации предназначения права (вносить определенность в складывающиеся фактические общественные отношения, придавать им прочность, устойчивость, привносить надежность гарантий и преимуществ, предоставляемых правом людям.

Нельзя забывать и о такой наличной реальности права («сущее») как источники права (внешние формы права) и, в первую очередь, писанные нормативно-правовые акты, отличающиеся осязаемыми внешними характеристиками с которыми сопряжено само бытие позитивного права. Именно через них, должное в праве приобретает строго определенный юридический характер и соответственно этому снабжается системой правовых средств, обеспечивающих вышеотмеченные определенность содержания, надежность свойственных праву гарантий и преимуществ, предоставляемых людям.

В этой связи мысль о свойственности праву одновременно двух логик: (1) формальной логики и (2) особой логики – логики права, представляется закономерной (Алексеев, 2003: 214). Разъясняя, С.С. Алексеев пишет: «Они существуют одновременно и параллельно, хотя и в известной внутренней связи, корреляции. В частности, чем совершеннее позитивное право с формально-логической стороны, тем полнее раскрывается специфическая логика права. Более того, логика права только и возможна тогда, когда в нормативном образовании, именуемом «правом», всецело царствует логика формальная. И потому, помимо всего иного, логика права, выражая жизнь этого социального феномена, ни в самой малости не может «отменить» или «перекрыть» все то, что относится к формально-логическим характеристикам права как действующей в соответствии с требованиями законности нормативной системы» (Алексеев, 2003: 214).

Даже если оставаться в пределах догмы права невозможно не заметить логики права.

Одним из ее зримых проявлений является возникновение, наряду с понятием «право» понятия «правовая система». Например, почему спрашивается только три правовых явления, а именно: (1) позитивное право; (2) правовая идеология; (3) правоприменительная практика образуют определенное единство и в этом качестве характеризуют особенности права определенной страны. По сути дела ответ прост: потому что это «активные» элементы, своеобразные сгустки правовой энергии, являющиеся основаниями, определяющими, так или иначе, правомерность или неправомерность поведения субъектов. Но такого рода критерии как раз и выражают особые жесткие закономерные связи в праве и притом только в праве и являются «логикой», т.е. такими жесткими закономерными связями, которые сообразно специфике права неизбежно вызывают и не могут не вызывать наступление определенных, предусмотренных ими правовых последствий.

Аналогичный ответ можно было бы на вопрос о структуре (заметим, что в науке общепризнано, что речь должна идти о логической структуре) правовой нормы, состоящей из гипотезы, диспозиции и санкции. Следовательно, даже на элементарном уровне, уровне нормы права отмечается способность права осуществлять юридическое регулирование с его определенностью содержания, твердостью, государственной гарантированностью, т.е. в соответствии с особой логикой – логикой права.

Понятно, что все сказанное выше характеризует проявление юридической логики в пределах догмы права, где в среде формально-определенных, выраженных в законах и подзаконных нормативно-правовых актах, в целом господствует формальная логика. А юридическая логика выражается, главным образом, в структурных (онтологических) особенностях права.

При более широком охвате, включающем в себя весь спектр юридических средств, открываются новые горизонты логики права, новые, более глубокие пласты юридической материи, включая те, которые характеризуют право уже в движении, где отдельные правовые явления, сцепляются и в этой связи преобразуются и где на первый план выдвигается логика права. Именно здесь, на основе охваченной мысленным взором всей правовой материи, выводы о логике права, достаточно выпукло и осязательно проявляющиеся в догме права, получают не только свое подтверждение, но более значимой и зримой становится заложенная в правовой материи нацеленность на воплощение юридически должного в фактическую реальность, действительность. В качестве примера можно сослаться на последовательно развивающуюся связь между правовой нормой, наступившим юридическим фактом, возникшем на его основе правоотношением и его фактическим осуществлением. Интересно, что понимание этой детерминированности, заданности права стало основой для выработки таких правовых понятий как «механизм правового регулирования», «правовые средства».

Как известно любая правовая норма начинает действовать, если появляется определенный юридический факт, а уже возникшее на его основе правоотношение и составляющие его содержание элементы реализуются нередко с помощью иных юридических средств. Например, нормы законодательства о пенсиях начинают действовать только тогда и только тогда же порождают реальные субъективные права пенсионеров и обязанности соответствующих государственных органов выплачивать им пенсионные суммы (т.е. социально-алиментарное правоотношение), когда наличествуют определенные, предусмотренные законом юридические факты: пенсионный возраст, наличие трудового стажа определенной продолжительности, уплаченные работодателем социальные платежи, решение назначающего пенсию учреждения. С помощью соответствующих административных органов, а в отдельных случаях – суда эти права реализуются в действительности, в реальной жизни.

Таким образом, широкий подход к правовой материи в целом показывает, что правовые нормы как бы «беременны» правоотношениями, а последние, в свою очередь, – актами реализации. В результате образуется своеобразная логическая цепочка – механизм правового регулирования. Иначе говоря, в самой правовой материи заложены, ей внутренне имманентны последовательно,

с жестко заданной необходимостью наступающие очередные «запрограммированные» звенья единой логической связи правовых явлений, т.е. определенная логика.

Однако структурной спецификой правовых средств логика права не исчерпывается. Пожалуй, даже более значимы юридические конструкции и специфические правовые принципы, характеризующие в совокупности глубинные пласты правовой материи.

Так юридические конструкции, представляющие собой не произвольный, а детерминированный логикой права необходимый и достаточный набор элементов (юридических фактов, прав и обязанностей, гарантий и ответственности и др.), находящихся в состоянии органично функционирующей, динамической системы, а в этой связи математически выверенное и объективно устойчивое сочетание этих частиц правовой материи (т.е. только таких и никаких иных) в итоге становятся типовыми, модельными структурами. Например, при возмещении ущерба, причиненного источником повышенной опасности, у потерпевшего возникает не просто право на возмещение, а право, адресатом которого является исключительно владелец источника повышенной опасности.

Нельзя не отметить того, что «...наряду с «заряженностью материи права на реальное воплощение должного в фактическую действительность, дает о себе знать и более основательный «стержень» права. То главное, что характерно для логики права *более высокого порядка*, когда отдельные явления, процессы в праве сцепляются, «синтезируются» и рассматриваются в движении и когда открывается перспектива понимания того, к чему же ведет в конечном счете логика права в таком высоком значении» (Алексеев, 2003: 217).

Юридическая логика вышеотмеченного, более высокого порядка, непосредственно связана со своего рода «центральной несущей колонной» правовой материи, а именно с: (1) позитивными обязываниями; (2) запретами; (3) дозволениями. Непосредственно к двум элементам вышеупомянутой троицы, а именно к: позитивным обязываниям и запретам непосредственно относится характерная черта правовой материи – долженствование, «нацеленность», «соориентированность», «заданность», «запрограммированность» права на воплощение должного в реальной действительности. В качестве их юридически конкретизированных проявлений выступают предписания в истинном значении этого слова, т.е. юридические обязанности – предписывающие, повелевающие к активному поведению (позитивные предписания) или запрещающие поведение известного рода (юридические запреты).

Но нельзя забывать о третьей составляющей о дозволении, с которым (а не только с «заряженностью» права на реальность) также связана своеобразная юридическая логика. Другими словами, существует еще один аспект долженствования в праве. В этой связи С.С. Алексеев отмечает, что «*долженствование в праве охватывает не только, а при развитых юридических формах, пожалуй, даже «не столько», свои прямые юридические аналоги – предписания* (то, что в самом точном значении является «должным» – юридические запреты и позитивные обязанности). *Долженствование в праве -.....- охватывает также на первый взгляд нечто ему противоположное, даже несовместимое с ним – дозволение*» (Алексеев, 2003: 218).

Следовательно, своеобразие правовой материи выражается не только в предписаниях к активному поведению и запретах, но прежде всего, в юридических возможностях, т.е. в субъективных юридических правах, представляющих сплав «должного» и «возможного», точнее – такого «должного», которое обращено к государству, к действующему правопорядку, а для субъектов выступает в качестве субъективных прав – мере свободного поведения (Алексеев, 2003, с. 218). Здесь важно подчеркнуть, что правовая материя не только не ограничивается юридическими обязанностями, запретами, юридической ответственностью, но в ней указанные правовые средства не являются доминирующими. Само существование и функционирование правовой материи связано с субъективными правами субъектов, мерой их собственного свободного поведения. Именно в этом строении права, его органике и заключается основная тайна права, непознан-

ная логико-правовая особенность права. Во всех правоотношениях, в т.ч. в предписывающих и запрещающих, при всех режимах без исключения, даже тоталитарных, все частицы правовой материи «вращаются» вокруг субъективных прав.

Стало быть, логика права выражается в том, что субъективные права конкретных субъектов, вместе с соответствующими обязанностями являются центром содержания права, его структуры. А к этому центру притягиваются все «атомы» правовой материи, все ее составляющие элементарные частицы из которых собственно говоря и складывается правовая материя как таковая. Таким образом, именно в отношении субъективных прав и строится правовая логика.

Особенно отчетливо эта логика права проступает тогда, когда правовая материя рассматривается через призму юридических конструкций и специфических правовых принципов, т.е. на уровне «совершенного развития». Для подтверждения сказанного, достаточно привести в качестве примера любую юридическую конструкцию, например, виндикационный иск, гражданско-правовую ответственность работника по нормам трудового права при причинении вреда имуществу работодателя, гражданско-правовая ответственность при причинении вреда источником повышенной опасности, трудовой договор и т.д., чтобы убедиться в том все их элементы выстраиваются таким образом, чтобы благоприятствовать правам тех или иных лиц: потерпевшему – при причинении вреда, собственнику – при виндикационном иске.

Не менее значимо и показательным то, что и в динамике права обнаруживается нацеленность, настроенность права на субъективные права. Для этого достаточно посмотреть на общие модели правового регулирования (построения правовых средств): (1) диспозитивную модель (элементами которой являются субъективное право + юридические гарантии), и (2) обязывающую модель (правовая обязанность + юридическая ответственность).

Сказанное дает основание утверждать, что юридическая логика дает о себе знать не только в структурных особенностях права, но и в более общих связях и проявлениях социального и юридического порядка – в общих моделях правового регулирования – наиболее ярких проявлениях принципиальных особенностей мира права. Тех проявлениях, в соответствии с которыми «сцепления» частиц правовой материи сосредоточиваются вокруг субъективных прав, неуклонно и жестко «ведут» к ним, а значит «ведут» к статусу и возможностям людей в обществе. Таким образом, существуют более чем серьезные основания для предположения: «субъективные права и выражающие их юридические структуры призваны в области права стать доминирующими, главенствующими» (Алексеев 2003: 220).

Логика права предопределяет исходные и производные понятия права, их интерпретацию и юридическое толкование.

По далеко не столь очевидному мнению Д.А. Керимова, общая теория государства и права включает в себя две основные части: социологию государства и права и философию государства и права, водораздел между которыми проходит по линии онтологического и гносеологического изучения и носит более чем условный характер. В совокупности социология и философия права составляют единый предмет науки общей теории государства и права (Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Том 1. Теория государства, 1998: 14). В свою очередь, логика права, наряду с онтологией права, антропологией права, аксиологией права, гносеологией права, методологией права, является составной частью философии права (Никифоров В., Никифоров Н., 2007: 12).

В целом логическая схема становления права, по мнению Ю.В. Тихонравов, является результатом особого рода дедукции, рассматривающей право как ступень развития человеческого духа (Тихонравов, 1997: 51). В конечном счете именно логика права определяет исходные и производные понятия права, их систему и структуру, взаимосвязь и взаимодействие, интерпретацию и юридическое толкование.

Логическая схема становления права должна быть применима ко всем без исключения историческим ситуациям. В основе логического лежит историческое, логическое же не только взаимодействует с историческим, но и проникает в него. Самая абстрактная логическая формула права одновременно является и исторической, поскольку она есть результат сопоставления, анализа и обобщения определенного историко-правового опыта. Именно в силу своей синтезированнойности логическое проникает в существо правовых конкретностей, выявляет их внутренние исторические связи и взаимодействия. Тем самым логический аспект выполняет методологическую функцию в изучении истории права, ее многообразия в отдельные периоды различных стран.

Без исторического воспроизведения правового развития исключается возможность логического осознания его закономерностей, но и без логического осмысления объективного хода исторического развития права невозможно вскрыть внутренние механизмы и причины его движения. Понятно, что историческое исследование развертывания правовой жизни первично по отношению к логическому исследованию. Всякий раз оно выступает в качестве основы логического и посему является обязательной его предпосылкой. Так, например, Д.А. Керимов отмечает, что «...задача философии права заключается не в том, чтобы воспроизвести весь многообразный процесс исторического развития права, чередование конкретно-исторических правовых памятников и фактов, смену одних правовых систем другими и показать этот процесс в последовательной конкретно-хронологической форме, что составляет задачу истории права. В отличие от нее философия права призвана раскрывать объективно-искусственное в его происхождении, в его необходимости, в освобожденном от случайностей виде, через систему абстрактных категорий, в которых историческое освобождено от всех зигзагов и отклонений, представлено как бы в снятом виде» (Керимов, 1992: 29).

Хотя становление и развитие логики права, как нового, относительно самостоятельного научного направления внутри теории государства и общей теории права, уже имеет определенную историю и число публикаций по вопросам логических оснований теории права (Сырых, Т. 2, 2000), логики правовых норм, природы, роли и места юридических конструкций (Байков, 2011: 172–181), оценочных понятий, системы и структуры права и т.д. постоянно растет, многие в т.ч. концептуального характера вопросы, не получили надлежащего освещения и в этой связи, конечно же, необходимы дальнейшие исследования этой важной не только теоретической, но практической проблемы.

Юридические конструкции представляют собой наиболее значимый элемент, центральное звено собственного содержания права. Соответственно, их развитие в процессе интеллектуальной деятельности характеризует достигнутый уровень права и правопонимания, правовой культуры в целом. Одновременно они выступают в качестве метода познания правовой материи во всем ее многообразии, систематизации права.

Понятие «юридическая конструкция» активно используется в юридической науке. Вместе с тем универсальная характеристика данного правового явления до сих пор не выработана и посему понимается по-разному. Так, А.Ф. Черданцев отмечал, что «...одни авторы отождествляют юридическую конструкцию с логической дедукцией, другие – с грамматической конструкцией, с определением понятий, третьи – с теоретическим положением, четвертые – со способом регулирования общественных отношений» (Черданцев, 2003: 238). Между тем, являясь зримым выражением уровня правовой культуры, юридические конструкции свидетельствуют о развитости права, его эффективности, способности создавать рациональные правила поведения, способности предопределять дальнейшие пути строительства и совершенствования законодательства. А поскольку модели – это сплав практики, опыта и творческих изысканий, постольку столь необходимы исследования данной проблематики.

Поскольку любое правовое понятие является отображением правовой действительности в обобщенной форме, постольку «юридическая конструкция» представляет собой «особый

способ построения нормативного материала, задающий модель, типовую регламентацию для определенных правовых явлений (состояний, групп отношений)» (Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С.С. Алексеева, 1987: 232). Как гносеологическую категорию, инструмент, средство познания правового материала определяет юридическую конструкцию А.Ф. Черданцев, полагаящий, что это «... модель урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, служащая методом познания права и общественных отношений, им урегулированных» (Черданцев, 2003: 241). В том же ключе рассуждает С.С. Алексеев, по мнению которого термин «конструкция» в юриспруденции – это «... типовая схема и принципы действия... своеобразное построение прав, обязанностей, ответственности» (Алексеев, 2003: 197).

Характеризуя далее юридические конструкции, он обращает внимание на их тесную связь с принятыми в обществе идеалами, ценностями, их реальным претворением в государственной организации, действующих законах, подчеркивая самое существенное, что характерно для этого понятия: «... интеллектуальное разрешение данной проблемы, выраженное в оптимальной модели построения прав, обязанностей, ответственности, соответствующих юридическим фактов. ... Причем – модели, которая уже сама по себе – именно потому, что она «модель», «типовая схема» обладает нормативностью, как мы уже видели, – весьма особой, охватывающей само содержание юридического регулирования» (Алексеев, 2003: 197–198).

В другой работе А.Ф. Черданцев говорит о трех аспектах понимания юридической конструкции, каковыми, по его мнению, являются: (1) метод познания права и правоотношений; (2) средство юридической техники, построения правового материала; (3) средство толкования нормы права (Черданцев, 1993: 151).

Действительно, с одной стороны, возникающие в результате научной абстракции *юридические конструкции* представляют собой идеальные модели урегулированных правом общественных отношений или их элементов, являющихся формой отражения правовой действительности, но с другой стороны, будучи интегрированы в законодательство, они наполняются и выражаются вовне с помощью и через нормы права. Попытка урегулировать с помощью права общественные отношения без использования юридических конструкций, т.е. не принимая в расчет «вписанные» в право идеальные модели, являющиеся своего рода обобщенными стандартами, прообразами нормативного регулирования, обречена на неудачу. Прав А.Ф. Черданцев, утверждающий, что «... создание правовых норм без использования юридических конструкций носило бы чисто эмпирический, в определенной мере стихийный, недостаточно последовательный характер и могла бы привести к пробелам в нормативном материале и хаотическому его построению» (Черданцев, 1993: 255).

В процессе нормотворческой работы законодатель мыслит юридическими конструкциями, образование которых – длительный процесс. А.Ф. Черданцев по этому поводу писал, что «... в правовой науке постепенно осмысливается характер системного изложения норм права, осознается их конструктивная связь, и наука вырабатывает юридические конструкции, которые становятся важным ориентиром, методом познания права» (Черданцев, 1993: 151). Именно в процессе многовековой юридической практики собирались наиболее удачные юридические построения, связи и отношения отдельных компонентов правовой материи: прав, обязанностей, юридических фактов, процедур осуществлялась их систематизация и конструирование типовых построений, модельных схем взаимодействия, закрепление в законодательстве, что представляет собой «... как раз юридические конструкции в самом точном значении этого понятия» (Алексеев, 2003: 255).

Правовая конструкция – это самостоятельное правовое понятие, не сводимое к какой-либо совокупности норм. Между юридическими конструкциями и нормами права существует особого рода функциональная связь. Те юридические конструкции, которые находят определенное

закрепление и выражение в нормах права, А.Ф. Черданцев, как представляется, весьма удачно назвал нормативными юридическими конструкциями (Черданцев, 1993: 255). Соответственно, они точно так же, как, например, юридические термины, являются элементом юридической техники и «... представляют собой такое структурное расположение правового материала, которое характеризуется внутренним единством прав, обязанностей и форм ответственности соответствующих лиц» (Большой юридический словарь, 2000: 695). Значительно уже, имея в виду, очевидно, только нормативные (предусмотренные в законодательстве) юридические конструкции определял юридические конструкции О.А. Красавчиков (Красавчиков, 2005: 236). Он рассматривал их как средство «...построе – н и я нормативного материала в пределах правового института или его отдельной части...». и в этой связи вольно или невольно отождествлял юридическую и законодательную технику.

Использование юридических конструкций в нормотворческой работе в совокупности с другими элементами юридической техники обеспечивает функционально-логическую связь нормативного материала, системность права. Определенная юридическая конструкция может быть «... положена в основу формулирования отдельно взятой правовой нормы, но чаще всего она объединяет, цементирует несколько правовых норм. Не исключается и такое положение, когда в норме права заключены две юридические конструкции» (Черданцев, 1993: 257). Органическое сочетание нескольких юридических конструкций может определять содержание отдельно взятой нормы. Отсюда представляется справедливым мнение Н.Н. Тарасова о том, что нормативность права в содержательном отношении определяется «...впечатанными в него отработанными юридическими конструкциями» (Тарасов, 2000: 35). Одновременно воплощение юридических конструкций в нормах права не приводит к утрате ими своих свойств. Здесь же важно отметить, что юридические конструкции, как идеальный продукт развития теории и нормотворческой практики выступают в качестве универсальных, основополагающих, базисных юридических построений, встроенных и посему организующих правовую материю матриц, имеющих в рамках одного социально-экономического типа вневременное значение. В этой связи нельзя не согласиться с С.С. Алексеевым, который пишет, что «...юридические конструкции представляют собой *органический, всеобщий, непосредственно нормативный, а главное – наиболее совершенный и важный по значению элемент собственного содержания права, его внутренней формы*», а чуть ниже он продолжает: «*Именно юридические конструкции образуют центральное звено (основу, стержень) материи права, достигшей необходимого (для реализации своих функций) уровня развития, совершенства*» (Алексеев, 2003: 200).

По сравнению с правовыми нормами, в значительной мере подверженными изменениям под влиянием общественного развития, юридические конструкции более прочны и долговечны. На это обстоятельство обращал внимание еще Н.М. Коркунов, который писал: «Если бы изучение права ограничивалось одним толкованием, то не только юристам каждого государства, но даже каждому новому поколению юристов одной и той же страны приходилось бы начинать дело изучения права сызнова, так как законы меняются нередко быстрее людских поколений, между тем, несмотря на разнообразие и изменчивость права, в нем есть и постоянные или, по крайней мере, более устойчивые элементы, не меняющиеся с каждой переменной законодательных определений» (Коркунов, 1909: 347).

Юридическая конструкция – это понятие общеправовое, в равной мере присущее как частному, так и публичному праву, всем его отраслям. Многие из дошедших до нашего времени юридических конструкций, рождены и достаточно широко применялись уже в римском праве. В их числе и правовая аксиома, и правовая презумпция, и правовая фикция (Красавчиков. Т. 1, 2005: 236). На большое разнообразие юридических конструкций в гражданском и уголовном праве обращал внимание С.С. Алексеев. В гражданском праве – это договор купли, представляющий собой особую юридическую конструкцию в отличие от договоров дарения, мены. Кроме них для всей

сферы рыночных отношений характерны подряд, аренда, услуги и др., каждая из которых также является особой юридической конструкцией. Столь же велико разнообразие юридических конструкций в уголовном праве. «Это – не только большое число «составов преступлений»,...но и особые конструкции общего порядка – «необходимая оборона», «крайняя необходимость»...и др.» (Алексеев, 2003: 196). Строго говоря, любое общественное отношение, отвечающее признакам правоотношения, может претворяться в жизнь в рамках определенной юридической конструкции (Чеговадзе, 2004: 60). Не меньше юридических конструкций и в трудовом праве. Это и трудовой договор, и коллективный трудовой договор, «заботливость» работника и многие другие.

Разработка юридической конструкции – это вычленение из правового материала, не существующего в действительности, некоего идеального объекта. Юридические конструкции, как идеальные модели, – продукт интеллектуальной деятельности в сфере аналитической юриспруденции. Ведь именно «... анализ той или иной группы юридических норм, принципов и правоотношений, относящихся к той или иной определенной категории юридических дел, – пишет С.С. Алексеев, – по существу, как правило, и представляет собой вычленение и проработку своеобразной юридической конструкции» (Алексеев, 2003: 206).

Применяемые юридической наукой в качестве метода познания юридические конструкции – это теоретические правовые конструкции.

Помимо названных выше нормативной и гносеологической функций, юридические конструкции, выступающие в качестве элемента юридической техники, обеспечивающие привлечение соответствующих норм и выступающие в качестве средства построения и систематизации пронизанного единой логикой нормативного материала, как метод познания правовой действительности, выполняют также обучающую, интерпретационную и демонстрационную функции (Черданцев, 2003: 19), являющиеся производными. Любая юридическая конструкция представляет собой органическое единство составляющих ее элементов, каждый из которых имеет собственное функциональное назначение и поэтому может рассматриваться как система, исследование которых должно строиться на основе системного подхода. При этом важно подчеркнуть, что не элементы юридической конструкции составляют целое, а наоборот: элементы юридической конструкции, как целостности, выявляются в процессе подразделения целого на части. Так, элементами сделки принято считать субъекта сделки, единство воли и волеизъявления (субъективную сторону сделки), ее содержание и форму.

Некоторые авторы к числу элементов сделки относят также предмет, а в необходимых случаях ее основание («causa»). Не вдаваясь в дискуссию по поводу набора структурных элементов сделки, отметим лишь главное: роль и предназначение каждого из этих элементов предопределена его находением в данной юридической конструкции.

Следует обратить внимание на недопустимость отождествления элементов и признаков юридической конструкции. Если первые характеризуют структуру юридической конструкции, то признаки – юридическую конструкцию в целом. В этой связи А.Ф. Черданцев пишет, что «... применительно к юридическим конструкциям правильными являются обороты: «состоят из элементов»..., но не обороты типа «состав состоит из признаков» (Черданцев, 2003: 245). Так признаками сделки, в отличие от составляющих ее элементов, являются: во-первых, правомерный волевой характер действий субъекта, направленный на достижение определенного правового результата, выражающего в возникновении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей; во-вторых, опосредуемая ими динамика гражданских правоотношений.

Любая юридическая конструкция – это система, обладающая в этой связи собственной структурой, под которой следует понимать способ организации целого из составных частей, конечно, при условии, что «... связи между элементами, составляющими систему, остаются неизменными и дают представление о ней в целом» (Павлов, 2003: 13). В зависимости от характера и

особенностей этих связей юридические конструкции принято подразделять на детерминированные и стохастические (вероятностные) системы. К числу детерминированных систем относятся простые юридические конструкции, лишённые обратных связей¹, например, большинство объектов гражданских прав, обязательство. Последнее выступает в качестве родового понятия по отношению ко всем конкретным видам обязательств.

Обозначим понимание онтологии, аксиологии, гносеологии и методологии в философии. Онтология (греч. – сущее и – учение слово), называвшаяся «первой философией» понималось учение бытия вообще, бытия как таковым, независимом от его частных видов (Философский словарь, 1987: 340). В свою очередь, аксиология (ценность и – учение, слово) – философское исследование природы ценностей. Аксиология представлена теориями ценностей трех видов: (1) объективно-идеалистические теории (неокантианство, последователи гуссерлианской феноменологии М. Шеллер и Н. Гартман, неотомизм, интуитивизм); (2) субъективно-идеалистические теории (логический позитивизм, эмотивизм, лингвистический анализ в этике аффектно-волевая теория ценностей У. Эрбана, Д. Пролла, К. Льюиса и др.); (3) натуралистические теории (интереса теория, эволюционная этика, космической телеологии этика); (4) марксистское понятие ценности (Философский словарь, 1987: 11).

С философских позиций гносеология (теория познания) – это раздел философии, изучающий взаимоотношение субъекта и объекта в процессе познания, отношение знания к действительности, возможности познания мира человеком, критерии истинности и достоверности знания. Гносеологией исследуются сущность познавательного отношения человека к миру, его всеобщие основания (Философский словарь, 1987: 480).

Методология в философии рассматривается как (1) совокупность познавательных средств, методов, приемов, используемых в какой-нибудь науке; (2) область знания, изучающая средства, предпосылки и принципы организации познавательной и практически-преобразующей деятельности.

Юридическая антропология, как отмечал В.С. Нерсесянц во вступительной статье к работе известного французского ученого-юриста, всемирно признанного в данной области специалиста Норберта Рулана «Юридическая антропология», – это «...наука о человеке как социальном существе и его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках. Она изучает правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней» (Нерсесянц, 1999:1).

О зарождении, становлении и развитии логики права как нового относительно самостоятельного направления внутри теории государства и общей теории права (но не отделение от этого целого), т.е. дифференциации предмета науки общей теории государства и права говорилось уже достаточно давно.

Следует отметить, что место самой философия права в системе общественных и в т.ч. юридических наук является предметом дискуссии. В частности, одни авторы рассматривают философию права как один из разделов общей теории права (История философии права, 2000; Государство и право на рубеже веков. Материалы всероссийской конференции, 2001; Государство и право на рубеже веков. Материалы всероссийской конференции, 2001), другие – как один из разделов философии (Гегель, 1990). Гегель утверждал, что «...наука о праве есть *часть философии*. Поэтому она должна развить из понятия идею, представляющую разум предмета, или, что то же самое, наблюдать собственное имманентное развитие самого предмета». В соответствии с вышесказанным Г.В.Ф. Гегель предмет философии права определял следующим образом: «*Философская наука о праве* имеет своим предметом *идею* права – понятие права и его осуществление»; третьи – как мировоззренческое и методологическое основание права, определяющее программные положения соответствующей правовой системы, четвертые – как междис-

¹ Механизм обратной связи характерен только для таких сложных систем, как, например, договор.

циплинарную науку, объединяющей в себе начала, как минимум, двух дисциплин: юридической науки и философии (Нерсисянц, 2000: 14), Но чуть ниже это автор обозначает философию права в качестве особой философской науки в системе философских наук (Нерсисянц, 2000: 15), ограничивая ее содержание методологией, гносеологией и аксиологией права (Нерсисянц, 2000: 16). Противоречивые суждения встречаются и в других работах. Например, В.П. Малахов вначале утверждает, что «...философия права не является юридической наукой», а далее пишет, что «... философия права является органической частью юриспруденции как учения о праве» (Малахов, 2001: 6, 11). Наконец в западной научной литературе общепризнанно, что философия права – часть юриспруденции как совокупности всех юридических наук.

По мнению Вл. Соловьева, «...логический и эмпирический элементы одинаково необходимы для истинного познания и, следовательно, исключительное обособление того или другого из этих элементов есть в обоих случаях одностороннее отвлечение...» (Соловьев, т. 2, 1988: 107).

Можно констатировать значительную вариабельность содержания общей теории права как науки. Большинство теоретиков права по-разному видят и интерпретируют систему знаний, отражающих предмет общей теории права. При этом, как справедливо отмечает В.М. Сырых, «...расхождения охватывают не только частные, периферийные вопросы теории, но и ее суть, ядро, связанное с определением сущности и социальной природы права как тотальной целостности, как одного из ведущих компонентов социальной реальности, человеческого общежития» (Сырых, т. 1, 2000: 15).

Истоки этих расхождений относятся к тому времени, когда в качестве основополагающего был воспринят тезис: как наука общая теория права представляет собой творческое развитие марксистско-ленинского учения о праве. Его основой стало понимание права как совокупности установленных в законодательном порядке правил поведения, выражающих волю господствующего класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития выгодных, и угодных господствующему классу общественных отношений (Вышинский, 1949: 85). В обоснование такой трактовки права, как правило, ссылаются на характеристику К. Марксом и Ф. Энгельсом буржуазного права: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» (Маркс, Энгельс, Том 25, часть I: 343). При этом упускается из виду, что как последовательные диалектики они не разделяли позитивистских трактовок права. Их понимание права было совершенно иным и в данной цитате они не давали определения права. Как раз наоборот. Здесь они утверждали, что в буржуазном, как и в любом другом классовом обществе, подлинного права нет, и не может быть. Именно поэтому то, что понимается буржуазией как право – это по существу лишь возведенная в закон их воля.

Предметом каждой отдельной науки является совокупность объективных закономерностей. Предмет науки познается в процессе последовательного восхождения от эмпирически наблюдаемых явлений и процессов к теоретическим знаниям сущности и необходимости, поскольку объективные закономерности в чистом виде не существуют, а проявляются только в массе конкретных явлений и процессов. Если предметом науки является совокупность объективных закономерностей, то, что же можно считать предметом общей теории права?

Объектом выступает совокупность явлений и процессов объективной реальности.

Учитывая последовательность развития научных знаний, в науке выделяются два уровня познания: (1) эмпирический; (2) теоретический.

Основной задачей теоретического познания является то, чтобы «...видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению» (Маркс, Энгельс, 1961: 343). Теоретический уровень познания начинается с формирования совокупности понятий, отражающих повторяющиеся, устойчивые, общие свойства, признаки наблюдаемых явлений

и процессов. На данной стадии широко применяется создание идеализированных объектов (теоретических конструктов) и эмпирически наблюдаемая реальность в этой связи «испаряется до степени абстрактных определений», предстает как множество понятий, абстракций, как правило, отражающих лишь отдельные стороны, свойства исследуемого вне связи с другими свойствами и признаками.

Завершающая стадия теоретического исследования, по мнению Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, имеет место в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. В результате возникает возможность выявить и понять закономерности, иные связи и зависимости между отдельными свойствами и признаками исследуемых явлений, привести полученные знания в определенную систему и сформулировать их в виде теории.

Теория обычно интерпретируется «...как система научного знания, описывающая некоторую совокупность явлений и сводящая открытые в данной области закономерные связи к единому общему началу» (Копнин, 1974: 504).

Особенности теории выражаются двумя взаимосвязанными признаками: (1) теория предстает как наиболее глубокое и системное знание о необходимых сторонах, связях исследуемого, его сущности и закономерностях; (2) эти знания и закономерности логически непротиворечивы и основаны на каком-то общем для них начале – определенной совокупности теоретических и эмпирических принципов. Последнее (совокупность теоретических и эмпирических принципов) понимается как собственное основание теории.

С позиций материалистической гносеологии и логики наука не может мириться с какими-либо притязаниями ложного, не соответствующего критериям истины знания. Но с точки зрения критического рационализма (П. Фейерабенд) каждый ученый вправе разрабатывать и пропагандировать свою теорию, не обращая внимания на логические противоречия, несоответствие знаний основаниям соответствующей науки, критику со стороны других ученых. При этом нужно заметить, что развитие науки по П. Фейерабенду иррационально, так как новые теории побеждают не потому, что они ближе к истине, точнее и глубже отражают объективную реальность, а вследствие того, что они наиболее интенсивно пропагандируются их сторонниками (Радугин, 1998: 203).

Но, если кто-либо посвящает свою деятельность получению нового знания «естественному» праву свободы и мысли по П. Фейерабенду приходит конец и он становится несвободен. Научная мысль должна быть истинной и верно отражать объективную реальность, что естественно предполагает опору на достигнутое предшественниками, на подчинение свободы познанной необходимости. Именно в этом и заключается путь к подлинной свободе. Как верно говорил Г.В.Ф. Гегель свобода – это и есть осознанная необходимость.

Сказанное представляет собой всеобщие положения философии науки о понятии и структурной организации науки, которые, конечно же, применимы к общей теории права.

Логическая схема становления права должна быть применима ко всем без исключения историческим ситуациям. В основе логического лежит историческое, историческое же не только взаимодействует с логическим, но и проникает в него. Самая абстрактная логическая формула права одновременно является и исторической, поскольку она есть результат сопоставления, анализа и обобщения определенного историко-правового опыта. Именно в силу синтезированной логическое проникает в существо правовых конкретностей, выявляет их внутренние исторические связи и взаимодействия. Тем самым логический аспект выполняет методологическую функцию в изучении истории права, ее многообразия в отдельные периоды различных стран.

Без исторического воспроизведения правового развития исключается возможность логического осознания его закономерностей, но и без логического осмысления объективного хода исторического развития права невозможно вскрыть внутренние механизмы и причины его движения. Понятно, что историческое исследование развёртывания правовой жизни первично по отноше-

нию к логическому исследованию. Всякий раз оно выступает в качестве основы логического и поему является обязательной его предпосылкой. Так, например, Д.А. Керимов отмечает, что «...задача философии права заключается не в том, чтобы воспроизвести весь многообразный процесс исторического развития права, чередование конкретно-исторических правовых памятников и фактов, смену одних правовых систем другими и показать этот процесс в последовательной конкретно-хронологической форме, что составляет задачу истории права. В отличие от нее философия права призвана раскрывать объективно-искусственное в его происхождении, в его необходимости, в освобожденном от случайностей виде, через систему абстрактных категорий, в которых историческое освобождено от всех зигзагов и отклонений, представлено как бы в снятом виде» (Керимов, 1992: 29).

В целом логическая схема становления права, по мнению Ю.В. Тихонравова, является результатом особого рода дедукции, рассматривающей право как ступень развития человеческого духа (Тихонравов, 1997: 51).

С практической точки зрения завершающим этапом регулирования общественных отношений нормативно-правовыми актами является толкование (юридическая герменевтика), характеризующая тем, что закрепленные в них правовые нормы, по крайней мере, для лица, их применяющего, «становятся готовыми» к реализации. Не менее важно и то, что в толковании в едином фокусе сходятся юридические знания, опыт, правовая культура, присущие данному лицу. Они соединяются вместе и юридическая герменевтика предстает не только как наука, но и как искусство.

Как отмечал С.С. Алексеев, «...мысль лица, осуществляющего толкование, идет от слоя к слою юридической материи – от анализа буквального, языкового текста к анализу догмы права, юридических особенностей правовых норм, а в связи с этим – и к нравственным, социальным и иным основам, предпосылкам правовых предписаний. И все это – с тем, чтобы установить действительное содержание правовых установлений» (Алексеев, 1998: 131). Существуют различные виды толкования: (1) грамматическое; (2) специально-юридическое толкование; (3) систематическое толкование; (4) историческое толкование; (5) логическое толкование. В основе логического толкования лежат законы и правила формальной логики. В полном соответствии с логической природой права и, не выходя за пределы текста закона, т.е. на материале самих правовых норм. При этом способе толкования используются следующие формально-логические способы: (1) аналогия; (2) преобразование предложения; (3) аргументы от противного; (4) доведение до абсурда и др. Поскольку мысль законодателя выражается не только в виде грамматических предложений, но и логической организации содержания правовых норм, логическое толкование позволяет сделать очередной шаг в раскрытии содержания последних.

References:

1. 28.01.1937. Civil Law // Government Gazette, 41, 20.02.1937. [Entry into force: 01.09.1992]
2. Benditt Th.M. (1978) Law as Rule and Principal: Problems of Legal Philosophy. Stanford: Stanford University. Press. 1978. – 195 p.
3. Posner R. A. (1990) The Problems of Jurisprudence. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts London, England. – 485 p.
4. Alekseev S.S. Favorites. Science is right. General social problems. Journalism. – М.: Statut, 2003. – 480 s.
5. Alekseev S.S. Right. ABC. Theory. Philosophy. Comprehensive research experience. – М.: Publishing group. NORMA – INFRA*M, 1998. – 810 p.
6. Alekseev S.S. Climbing to the right. Searches and solutions. – М.: Publishing house NORMA, 2001. – 752 p.
7. Vyshinsky A.Ya. Questions of the theory of state and law. – М.: State Publishing House of Legal Literature, 1949. – 419 p.
8. Hegel. Philosophy of law. Per. from German: Ed. And comp. YES. Kerimov and V.S. Nersesyants; Auth. entry Art. and note. V.S. Nersesyants. – М.: Mysl, 1990. – 524 [2]. – (Philos. Heritage).

9. State and law at the turn of the century (materials of the All-Russian conference). Civil law. Civil process / Otv. ed.: Abova T.E. – M.: Publishing house of IGI P RAS, 2001. – 262 p.
10. History of philosophy of law (2000). – SPb.: «Doe». – 640 p.
11. History of political and legal doctrines: Textbook / Ed. O.E. Leista (1997). – M.: Legal literature. – 576 p.
12. Kerimov D.A. (1992) Foundations of the philosophy of law. – M.: Manuscript. -- 191 p.
13. Kopnin P.V. (1974) Epistemological and logical foundations of science. – M.: «Mysl». – 568 p.
14. Lobovikov V.O. (1998) Mathematical jurisprudence. Part 1. Natural law. – Yekaterinburg: Publishing house Humanitarian University, Ural State Law Academy. – 240 p.
15. Lukich Radomir. (1981) Methodology of law. Ed. and with an introductory article by Corr. USSR Academy of Sciences D.A. Kerimov. Translated from Serbo-Croatian by V.M. Kulistikova. – M.: «PROGRESS». – 304 p.
16. Malakhov V.P. (2001) The nature, content and logic of legal consciousness: Author's abstract. diss. doct. jurid. sciences. – M. – 54 p.
17. Marx K., Friedrich E. (1961) BOOK THREE, THE PROCESS OF CAPITAL PRODUCTION, TAKEN GENERALLY. Section four. The transformation of commodity capital and money capital into commodity and trade (merchant capital // K. Marx, F. Engels Works. 2nd ed., Volume 25, part I. M.: STATE POLITICAL LITERATURE PUBLISHING. – p.293 – 370
18. Marx K. (1958) Introduction (from economic manuscripts 1857 – 1858) // Marx K., Engels F. Soch. Edition second. Volume 12. – M.: Politizdat. – p.709 – 738
19. K. Marx, E. Friedrich. (1955) Communist Manifesto // K. Marx, F. Engels Soch. Second edition, Volume 4. – M.: Politizdat. – p. 419 – 459
20. Mikeshina L.A. (2002) Philosophy of knowledge. Polemic chapters. – M.: Progress-Tradition. -- 624 p.
21. Nersesyants V.S. (2000) Philosophy of law. Textbook for universities. – M.: Publishing house NORMA (Publishing group NORMA-INFRA · M). – 652 p.
22. Nersesyants V.S. (1999) Legal anthropology as a science and academic discipline // Rulan N. Legal anthropology. Textbook for universities. Translation from French. Resp. ed. V.S. Nersesyants. – M.: Publishing house NORMA. – p. 1 – 6
23. Nikiforov V., Nikiforov N. (2007) Fundamentals of the philosophy of law. Course lecture notes and test assignments for correspondence and distance learning. – Riga: BIA. – 128 p.
24. General theory of state and law. Academic course in 2 volumes. Resp. ed. prof. M.N. Marchenko. – Volume 1. Theory of the state (1998). – M.: Publishing house «Zertsalo». – 416 p.
25. Pokrovsky I.A. (1998) The main problems of civil law. – M.: Statute (in the series «Classics of Russian civil science»). – 353 p.
26. Popper K. (1992) Open Society and Its Enemies. In two volumes. T.I. Enchantment of Plato. Per. from English ed. V.N. Sadovsky. – M.: Phoenix, International Fund «Cultural Initiative». – 448 p.
27. Radugin A.A. (1998) Philosophy. Lecture course. – M.: Republic. – 272 p.
28. Sinaisky V. Technique of legal methodology in connection with the general doctrine of methodology. – Riga: Printed at the RGSO printing house, Maskavas street 116, Riga, LV 1003. – 270 p.
29. Soloviev. V.S. (1988) Op. In 2 volumes. Vol. 2 // Common. ed. and comp. A.V. Gulygi, A.F. Loseva; Note. S.L. Kravets and others – M.: Mysl. – 822 p.
30. Strykh V.M. (2000) The logical foundations of the general theory of law. In two volumes. Volume 1. Elementary composition. – M.: Justicinform. – 560 p.
31. Tikhonravov Yu.V. (1997) Foundations of the philosophy of law. Tutorial. – M.: Bulletin, 1997. -- 608 p. (Academy of Sciences of the USSR. Institute philosophy)
32. Tumanov V.A. (1971) Bourgeois Legal Ideology: To the Critique of the Doctrine of Law. – M.: Publishing house «Science». – 381 p.
33. Spengler O. (1998) Decline of Europe. Essays on the mythology of world history. In 2 volumes. Vol.2. World Historical perspectives / Per, with it. and note. I. I. Makhankova. – M.: Mysl. – 606 p.
34. Philosophical Dictionary. Ed. I.T. Frolov. Ed. Fifth (1987). – M.: Politizdat. – 590 p.

Articles in collections and magazines:

1. Schlag P. (1989) Missing Pieces: A Cognitive Approach to Law // Texas Law Review. Nr. 67. – P.1195 – 1250
2. Gaidamakin A.A. (2007) Polemic Notes on the Logic of Law and Legal Awareness // State and Law, 2007, No. 7. – P. 92 – 95
3. Kostylev V.M. (1998) On the problem of formalizing legal norms // Vestnik VEGU. No. 6. Jurisprudence. Ufa: Eastern University. – P.70 – 72
4. Mikeshina L.A. (2002) Conventions as a consequence of the communicative nature of cognition // Subject, cognition, activity. M.: Canon +, OI «Rehabilitation». – p.507 – 534
5. Titov V. D. (2002) Interaction of logic and law: history and modernity // Homo philosophians. Ser. «Thinkers», Issue 12. – SPb.: Saint-Petersburg Philosophical Society. – P.404 – 422.